

Судья

Судья — высший авторитет в том, что касается честной игры, с момента, когда в начале матча капитаны бросают жребий, и вплоть до окончательного подсчета очков. Судья досконально разбирается в правилах крикета, его задача — блюсти справедливость, пристально наблюдать за происходящим на поле и хранить традиции своего вида спорта.

Когда мы подъехали к дому, мама стояла у распахнутых ворот гаража. У распахнутых ворот совершенно пустого гаража.

— Значит, джип правда умер? — спросила Эмили.

— Боюсь, что да, — сказала мама.

— И что теперь — купим другой?

Мама закрыла ворота, и до меня вдруг дошло.

Другого джипа не будет.

По той же причине, по которой мы так и не купили другую микроволновку, когда в старой что-то взорвалось и стекло вылетело.

По той же причине, по которой я отдал Энни свой старый велик, а новый мне до сих пор не купили.

По той же причине, по которой компьютер у нас такой старый, что в игры на нем не поиграешь; впрочем, какая разница, игр у нас тоже нету, ни одной.

По той же причине, по которой Энни, Эмили и Шарли купили новые кроссовки для школы, а мне — нет.

— Мисс Эмили, — сказал Дворецкий, — в текущий период перевозить вас — моя задача.

— Вы каждый день будете возить нас на Баклажане?

— Я буду каждый день возить вас на бентли, мисс Эмили. И так будет продолжаться, пока молодой господин Джонс не получит водительские права.

А знаете, как противно ходить учиться в шестой класс в кроссовках, оставшихся от пятого класса? Знаете, как они уже стоптались — полный отстой...

— Картер не умеет водить машину, — сказала Эмили.

Дворецкий удивленно выгнул бровь.

Жуткий отстой.

— Молодой господин Джонс, — сказал Дворецкий и показал на Баклажан.

— Чего? — спросил я.

Он подошел к двери и распахнул ее. К водительской двери.

— Чего? — спросил я снова.

— Если вы сядете на сиденье, мыотрегулируем его по вашему росту.

Я посмотрел на маму. Она пожала плечами, позвала девчонок и направилась к дому.

Я сел в машину. Дворецкий обошел вокруг машины, сел рядом со мной.

— Мне двенадцать лет, — сказал я.

— Тогда времени остается в обрез. Вы знаете, где педаль газа, а где педаль тормоза?

Я кивнул.

— А где педаль сцепления?

Я посмотрел под ноги и кивнул.

— А рычаг переключения передач?

Я опять кивнул.

Он вручил мне ключи:

— Для начала поверните ключ зажигания.

И ткнул пальцем:

— Этот ключ вставляется вот сюда.

Я вставил ключ.

— Теперь поверните и отпустите ключ, как только зажигание включится.

Я сделал, как велено, и Баклажан подо мной зарокотал.

М-да, а вот это уже не отстой. Не-ет. Это в принципе круто.

Эмили, Шарли и Энни поднялись на крыльцо. Мама обняла их за плечи. Помните, как в «Асе Роботроиде и рейнджерах-роботроидах» некоторые персонажи смотрят на Аса Роботроида и их разинутые рты — шире пещер, потому что он просто обалденный герой?

Вот как смотрели на меня сейчас Эмили и Шарли. Но не Энни.

— Я не очень-то знаю, как это делается, — сказал я.

— Вы готовитесь включить на бентли заднюю передачу, чтобы...

— Дать задний ход, — сказал я.

— Отлично. Положите правую руку на рычаг коробки передач.

Я положил руку на рычаг. Дворецкий накрыл мою руку своей.

— Выжмите педаль тормоза.

Я выжал.

— А левой ногой выжмите сцепление.

Я выжал сцепление.

— А теперь мы включим заднюю передачу.

Так мы и сделали, и я почувствовал, как Баклажан, замурлыкав, приготовился тронуться.

Это было очень круто.

— Оглянитесь через левое плечо. Хорошо. А теперь слегка отпустите тормоз, держа руль совершенно прямо.

Я так и сделал — и Баклажан покатился задним ходом к воротам, плавно-плавно. Так движутся по привычным орбитам планеты.

— Если вы продолжите поворачивать в эту сторону, молодой господин Джонс, то передвинете клумбу с хостами. Спасибо. Вы хорошо справились. Теперь ваша матушка вздохнет спокойно.

Мы миновали клумбу с хостами.

— Надеюсь, вы не потревожите орешник у ворот?

Я не потревожил орешник у ворот.

— Выжмите тормоз, пожалуйста, — сказал Дворецкий.

Я выжал.

— Превосходно. Не прокатиться ли нам по-настоящему? Что, если мы выгуляем бентли один раз вокруг квартала? — предложил он.

Я кивнул.

— Выезжайте задним ходом на улицу, пожалуйста. Подождите, прежде чем развернуться. Подождите. Подождите. Пора, молодой господин Джонс. Готово, вы хорошо справились. Держите руль ровно. Что ж, вы приобретаете навыки. Приготовьтесь переключить передачу, а после этого слегка нажмите на газ.

И я приобрел навыки. И приготовился переключить передачу. И переключил. Ну, если честно, Баклажан заглох. Но я снова завел мотор, и слегка нажал на газ, и Баклажан тронулся. И я повернул за угол, и мы проехали мимо азалий Кечумов, и рододендронов Бриггсов, и падуба Роккаслов, и петуний Кертджи, и дома Билли Кольта — вы даже вообразить не можете, как сильно мне хотелось, чтобы Билли Кольт в эту минуту был во дворе и увидел меня, но его во дворе не было, и мы снова повернули за угол, и Баклажан подо мной рокотал и мурлыкал, и рука Дворецкого иногда накрывала мою, помогая рулить, но только иногда.

А когда мы вернулись, все-все-все — и девчонки, и мама — стояли на крыльце, и Нед тоже, и все они — даже Нед — смотрели на меня, как на Аса Роботроида в мультике. Мы припарковались у гаража — ведь ворота в гараж мама закрыла. Я переключился на нейтральную передачу. Заглушил мотор. Вынул ключи, отдал Дворецкому. Мы вылезли

из машины. Эмили, Шарли и даже Энни захлопали в ладоши. А мама заулыбалась как-то странно — точно я вдруг стал взрослым. Еще один обряд посвящения, ага. Даже Нед восхищался — а вы уже знаете, что приключается с Недом от сильных чувств.

— Вы отлично справились, молодой господин Картер. Воистину отлично.

— Машина просто класс.

— Ваш дед согласился бы с вами, хотя, возможно, выбрал бы другое слово. Когда стало очевидно, что машина ему больше не потребуется, он лично договорился о том, чтобы ее доставили через океан вам, — одно из последних дел, которые ему удалось довести до конца.

— Погодите... Мне?

— Бентли — ваша машина, молодой господин Картер. Я буду пользоваться ей только до вашего совершеннолетия.

— А когда оно будет?

— В день вашего восемнадцатилетия.

— Это же еще типа через миллион лет.

— Сравнение с миллионом лет неуместно. Осталось всего шесть лет — не успеете и оглянуться. А тем временем у вас будет предостаточно дел, с которыми можно управиться и без бентли, — например, устранять следы жизнедеятельности Неда или — дело еще более неотложное — избавиться от слов-паразитов «типа» и «чтоб вы знали».

Я устранил следы жизнедеятельности Неда, а потом выгулял его вокруг квартала, и он, наложив кучу у ворот Билли Кольта, совсем успокоился.

Но я не успокоился. Я долго еще не успокаивался.

Я водил Баклажан!

Я водил Баклажан!

Я водил Баклажан, чтоб вы знали!

Я хотел сказать — я правда-правда водил Баклажан!

И после совершеннолетия он станет моим.

И, вернувшись домой, я сказал Дворецкому:

— Спасибо, мистер Боулз-Фицпатрик. А вы точно знаете — может, все-таки в день шестнадцатилетия?

Дворецкий слегка улыбнулся и сказал:

— Я знаю это совершенно точно, молодой господин Картер. А теперь, раз уж вы здесь... У мисс Энн не получается настроить метроном. Возможно, братская помощь была бы уместна.

И я оказал ей братскую помощь. В виде исключения.

В тот вечер, после гамбургеров с картошкой фри, — а я ел картошку фри вилкой, должен же я показать, какой я воспитанный, и я даже ни слова не сказал о том, что мистер Боулз-Фицпатрик ест картошку фри с уксусом, а не с кетчупом, как полагается всем цивилизованным людям, — мама спросила Дворецкого, где он остановился.

— Спасибо, мадам, — сказал он. — Я снял две комнаты у мистера Кребса, это в нескольких кварталах...

— У отца Карсона Кребса? — спросил я.

— Полагаю, да. Возможно, вы знакомы с этим мальчиком?

— Не то чтобы прямо знаком.

— Этому юноше пришлось очень быстро повзреть, — сказал Дворецкий.

Мама кивнула. — А эти комнаты...

Она замаялась, и я догадался, какой вопрос вертится у нее на языке. Отец устроил себе на первом этаже кабинет. Там стоит раскладной диван. Напротив — отдельная ванная. Я прочел по маминому лицу, что она подумала то же самое, что и я: не проще ли мистеру Боулз-Фицпатрику поселиться у нас?

— Этот вариант прекрасно устраивает всех, — сказал Дворецкий.

И подходящий момент был упущен — отступил в прошлое. Если честно, я сам удивился тому, что меня это почему-то огорчило.

Но знаете, какой момент не отступил в прошлое?

Знаете, какой момент не выходил у меня из головы?

Я водил Баклажан!

Я водил Баклажан!

Я водил Баклажан — правда-правда, чтоб вы знали!